

Российский государственный педагогический университет
имени А. И. Герцена

Женевский университет

Петербургский институт иудаики

при поддержке Международного благотворительного фонда
Д. С. Лихачева

Седьмая

**международная летняя школа
по русской литературе**

Статьи и материалы

2-е издание , исправленное и дополненное

Санкт-Петербург
Свое издательство
2012

«ВЫСКАТЕЛЬНЫЙ ХУДОЖНИК»
О ТВОРЧЕСТВЕ СОВРЕМЕННОМ И ГРЯДУЩЕМ

Печатается по: Оксенов Иннокентий Выискательный художник.
О творчестве современном и грядущем // Новый журнал для всех.
1915. № 10. С. 41 — 43.

I

Когда появился в свете роман Андрея Белого «Петербург», Антон Крайний, помнится нам, признал, что это — тончайшая, гениальная проза... но — увы! — доступная лишь немногим. И так, с одной стороны: понимаю, знаю, что гениально — но как же те, другие? что скажет «читатель», не сумеющий оценить?

Разлад между поэтом и читателем начался давно — со времен юности Брюсова. известно, что нет такого лестного эпитета, которым бы не заклемила досужая критика рождавшийся в крови и муках русский символизм. Впрочем, с тех пор утекло много воды; и вчерашние новаторы превратились в «наших маститых». Но читательское недоверие осталось. Началось позднее и ненужное «покаяние». Не далее, как в прошлом году — когда тонкий критик Крайний испугался того обрыва, куда привлек нас Андрей Белый, — Мережковский призвал «совершить несправедливость над Тютчевым» во имя доброй «общественности» и пытался отождествить «революционное» с «религиозным». А совсем на днях прозвучал голос Бориса Садовского:

- Отойдем на свои исконные исторические пути.

Однако: каковы же наши исторические пути?

II

В трактате, носящем многозначительное название «Vigilemus», Эллис утверждает, что путь русского символизма есть путь религиозный.

В нашу задачу не входит изложение содержания этой книги. Философское обоснование символизма как миропонимания есть в книге Андрея Белого; в «Голосе Жизни» есть статья Г. Чулкова о той же трансцендентной ценности символического искусства. «Искусство есть нечто большее, чем просто искусство» — вот краткая формула символической эстетики.

Известно, что акмеизм хотел стать полярной противоположностью символизма. Поэты-акмеисты и слышать не хотели о какой-то тайне, лежащей за пределами явлений. Мир прекрасен; в мире как будто нет трагизма; чего же боле? Акмеисты избрали своим патроном первозданного человека — Адама, упивающегося красотой природы.

Но забыли акмеисты, что, согласно учению астрологии, земной человек Адам есть вместе с тем и Адам Кадмон, или Космос: что микрокосм есть символ макрокосма (бытие есть символ деятельности).

Неожиданно близок к акмеистам оказался А. Тиняков, писавший на страницах журнала «Дневники писателей» следующее: «Нельзя быть поэтом, если любить только одну поэзию, одни стихи». Может быть и нельзя. И тут же г. Тиняков для примера приводил, что Лермонтов любил «войну и дуэли» (?)... Оставим Лермонтова в покое, мы верим, что военные подвиги Гумилева и Бенедикта Лившица совершались не только ради «упоения в бою»...

«Любовь к жизни для поэтов то же, что аромат для цветов», — писал г. Тиняков. Мы бесконечно далеки от какой-либо апологии пессимизма, но нам приходит на память поистине благоуханное творчество Сологуба и его слова:

...и вы хотите, люди, люди,
Чтоб я земную жизнь любил!

Идеология г. Тинякова и акмеистов неминуемо приводит к эстетизму — явлению вредному и уже изжитому (ибо эстетизм есть исключительная любовь к «жизни» или к «красоте» как таковым).

III

Акмеизм не оправдал возлагавшихся на него надежд. Творчество выдающихся его адептов (Гумилев, Городецкий, Ахматова) было воспоено животворным молоком символизма; этой пище акмеисты всем обязаны; но они уподобились блудному сыну. Внешняя особенность акмеизма та, что он более эпичен.

Возьмем наудачу стихотворение Ахматовой:

Не любишь, не хочешь смотреть.
О, как ты красив, проклятый!
И я не могу взлететь,
Хоть с детства была крылатой.
Мне очи застит туман,
Сливаются вещи и лица...

И только красный тюльпан,
Тюльпан у тебя в петлице.

В этом стихотворении есть символизация переживаний — быть может, бессознательная: «...я не могу взлететь...» — «и только красный тюльпан...» (образы служат как бы вехами переживания). Мы думаем, что конкретность этого стихотворения есть тот же «реализм в высшем смысле», как говорил о себе Достоевский. В самом деле, сравним реализм Ахматовой и Гумилева (или Блока и Андрея Белого) с реализмом, напр., Бунина или Некрасова. Кто знает, как переживаются эти стихи при чтении, тот хорошо поймет, что я хочу сказать. Еще лучше поймет меня тот, кому лично ведом творческий опыт.

«Конкретность» современной лирики, как справедливо выяснил Л. Берман («Голос Жизни», № 26), уменьшая емкость поэтической темы, делает стихи еще более ограниченными и малопонятными.

IV

В конце концов, все современные течения в поэзии суть лишь моменты творческой эволюции. Но мы хотим отметить одно явление, весьма характерное для всех направлений современного творчества — возрастающее усложнение его методов и, в связи с этим, его малодоступность. Поэзия становится религией поэтов. Рядовому читателю с поэзией наших дней нечего делать. И именно там, где поэт рисует нам что-либо очень близкое к «жизни» (чувство неразделенной любви — Ахматова, или русскую революцию — Белый), — именно эту «видимость» поэт постигает в каких-то необыденных категориях. Самый частый упрек современной поэзии таков: к чему столь изысканное мастерство для воспроизведения большей частью ничтожных или низких переживаний. Мы, однако, думаем, что для поэта одна из почетнейших задач — претворить эти «ничтожные» переживания в вечные ценности, разглядеть пребывающее за ними «солнце любви»; напомним еще, что, если стоять на почве требований «необычайности» лирического волнения, то придется «забраковать», напр., многие лучшие творения Пушкина. А главнейшее дело в том, что переживания поэта, очевидно, чем-то отличны от чувств и мыслей других людей, ибо поэт рассказывает о себе не так, как другие. И недаром поэты «из народа» (Клюев, Ширяевец, Есенин), желая сказать свое, выразить русскую душу, пользуются чаще всего современными поэтическими приемами; а «хлебороб» Пимен Карпов в своих прозрениях о России соприкасается с Андреем Белым, к которому он близок и по языку.

Но наше искусство — лишь этап на пути к будущему... В футуризме «Гилеи» и «Центрифуги» мы видим намешки на грядущие возможности. Но что же, в конце концов, сулит нам грядущее?

«Путь русского символизма есть путь религиозный...» А религия преобразуется в теургию, т. е. систему тайнодействий, граничащих с магией. Познание мира в этом случае пропитывается религиозным творчеством. Художник становится магом, обладающим властью, данною свыше. Изображение всемирной войны будет доступно грядущему художнику; сейчас поэты в этом бессильны — не потому ли, что они хотят малыми словами говорить о великом? Будущие поэты составят касту поэтов; это продолжится до того, пока искусство не погибнет, для возрождения в совершеннейшей, еще немыслимой форме. Не об этом ли мечтал Скрябин, создавая величественный проект мировой Мистерии?

Так рисуется нам будущее искусство. Сейчас нам, конечно, трудно оценить все значение того, что происходит и что имеет произойти. Будем верить, что грядущий поэт идеально воплотит пушкинский завет о «взыскательном художнике».

Комментарии

Оксенов Иннокентий Александрович (1897 — 1942) — поэт и литературный критик. Сын педагога. По образованию — врач-рентгенолог. Печатался с 1915 г. Небольшое литературное наследие Оксенова-поэта всё же даёт представление о «творческом почерке поэта, отмеченном чувством вкуса и взыскательным отношением к поэтическому слову»¹. Перу Оксенова-критика принадлежит «содержательное эссе «Некрасов и Ал. Блок (1921)», одним из первых писал о стихах Н. Тихонова и прозе Ю. Тынянова. Автор первого по времени обстоятельного очерка очерка о жизни и творчестве Ларисы Рейснер»² В 1937 — 1941 гг. был учёным секретарём Пушкинского общества, выпустил монографию «жизнь Пушкина». Умер в Ленинграде в первую блокадную зиму.

Иннокентий Оксенов — автор следующих поэтических сборников «Зажженная свеча, Стихи», Пг., 1917; «Роща, Стихи», изд. «Эрато», П., 1922. Составитель сборника «Современная русская критика. Сборник» (с предисл. П. И. Лебедева-Полянского), Гиз, Л., 1925; Лариса Рейснер, Критический очерк, «Прибой», Л., 1927. Отдельные статьи И. Оксенова: О поэтическом слухе Пушкина,

¹ Рождественский Вс. Иннокентий Оксенов (1897 — 1942)/ День поэзии, Л., 1976.

² Там же.

«Книга и революция», 1921, № 8—9; О композиции «Двенадцати», там же, 1923, № 1; Николай Тихонов, «Звезда», 1925, № 5; Писатель и критик, «Новый мир», 1927, № 3; «Братья» К. Федина, «Звезда», 1928, № 7; Литературные разговоры, «Звезда», 1929, № 12; Маяковский в дореволюционной литературе, «Ленинград», 1931, № 4; Монстры и натуралии Ю. Тынянова, «Новый мир», 1931, № 8, и др.

«*Взыскательный художник*» — в названии статьи цитируется сонет А. С. Пушкина (1799 — 1836) «Поэт» («Поэт, не дорожи любовью народной...», 1830).

«...роман Андрея Белого “Петербург”...» Первая редакция романа Белого вышла в 1913 г.

«*Антон Крайний, помнится нам, признал, что это — тончайшая, гениальная проза... но — увы! — доступная лишь немногим...*». Антон Крайний — один из псевдонимов, которым подписывала свои критические статьи поэт-символист, прозаик, литературный критик, публицист, мемуарист Зинаида Николаевна Гиппиус (в замужестве Мережковская; 1869 — 1945).

«...*Мережковский призвал “совершить несправедливость над Тютчевым”...*». И. Оксенов упоминает лекцию Д.С. Мережковского «Тайна Тютчева», опубликованную в газете «Русское слово», 1914, 21 февраля, с. 2 — 3, 26 февраля, с. 2. См.: «Трудно больному судить о болезни. Так трудно нам судить о Тютчеве, быть к нему справедливым. Быть только справедливым — значит быть неподвижным. Двигаться — нарушать равновесие, нарушать справедливость. Будем же не только справедливы к Тютчеву, будем любить и ненавидеть его до конца, иначе не поймём, а понять его нам нужно»¹.

«*А совсем на днях прозвучал голос Бориса Садовского: “Отойдём на свои исконные исторические пути”*». И. Оксеновым цитируется заключительная фраза статьи «Юбилей безвременья (1899 — 1914)» к пятнадцатилетию литературного дебюта В. Я. Брюсова. Названная работа впервые опубликована в сборнике Б.А. Садовского «... Озимь. Статьи о русской поэзии. К. Бальмонт, А. Блок, В. Брюсов, И. Северянин, Футуристы», Пг, 1915 г.

«*В трактате, носящем многозначительное название “Vigilemus”, Эллис утверждает, что путь русского символизма есть путь религиозный*». Эллис (наст. имя Лев Львович Кобылинский; 1879 — 1947) — поэт, переводчик, литературный критик. Его трактат «Vigilemus» впервые опубликован в 1914 г. (М., из-во «Мусагет»).

¹ Мережковский Д.С. Тайна Тютчева // Русское слово, 1914, 21 февраля, с. 2

«Философское обоснование символизма как миропонимания есть в книге *Андрея Белого...*» — отсылка к статье А. Белого «Символизм как миропонимание», впервые опубликованная в журнале «Мир искусства», 1904, №5, с. 173 — 196. Позже часть статьи вошла в состав книги А. Белого «Арабески», М., Мусагет, 1911, с. 220 — 238, на которую, очевидно, и ссылается И. Оксенов.

«В *“Голосе жизни”* есть статья Г. Чулкова о той же трансцендентной ценности символического искусства». «Голос жизни» — журнал, выходивший в Петрограде в 1914 — 1915 гг. Чулков Георгий Иванович (1879 — 1939) — поэт, прозаик, мемуарист, литературовед. И. Оксенов упоминает двухчастную статью Г. Чулкова «Оправдание символизма», опубликованную в «Голосе жизни», 1915, № 24, с. 13 — 17 (ч. 1, «Искусство и жизнь»); № 25, с. 7 — 12 (ч. 2, «О критиках символизма и об ответственности поэта»).

«Но забыли акмеисты, что, согласно учению астрологии, земной человек Адам есть вместе с тем и Адам Кадмон, или Космос». Адам Кадмон («Адам первоначальный») — в мистической традиции иудаизма, абсолютное, духовное явление человеческой сущности до начала времён как для духовного и материального мира, а также для человека (как эмпирической реальности).

«Неожиданно близок к акмеистам оказался А. Тиняков, писавший на страницах журнала «Дневники писателей» следующее: “Нельзя быть поэтом, если любить только одну поэзию, одни стихи”». Тиняков Александр Иванович (1886 — 1934) — поэт, литературный критик. «Дневники писателей» — литературный журнал, издававшийся Ф.К. Сологубом в Петрограде в 1914 г. И Оксенов цитирует статью А. Тинякова «Комплименты», опубликованную в «Дневниках писателей» в № 3 — 4 за 1914 г., с. 24 — 29 (цитата со стр. 26).

«И тут же г. Тиняков для примера приводил, что Лермонтов любил «войну и дуэли» (?)...». Лермонтов Михаил Юрьевич (1814 — 1841) — поэт, прозаик, драматург. В названной выше статье А. Тинякова «Комплименты» читаем: «Все истинные поэты не меньше поэзии любили жизнь и её «мелочи». Пушкин любил холостые попойки, светское общество, карты, Тютчев — придворную жизнь, салоны и политику; Лермонтов — войну и дуэли...».¹

«”Любовь к жизни для поэтов то же, что аромат для цветов”, — писал г. Тиняков» — см. указанную статью «Комплименты», с. 27.

«...нам приходит на память поистине благоуханное творчество Сологуба и его слова: “...и вы хотите, люди, люди,/Чтоб я земную жизнь любил!”». И. Оксенов неточно цитирует заключительные стро-

¹ Тиняков А.И. Комплименты//Дневники писателей, 1914, № 3 — 4, с. 26

ки стихотворения Ф. Сологуба «Цветы для наглых, вино для смелых...» (1914), впервые опубликованного в газете «Русская мысль», 1915 г., №4, с. 37.

«Возьмем наудачу стихотворение Ахматовой: “Не любишь, не хочешь смотреть./О, как ты красив, проклятый!...”» Цитируется стихотворение А.А. Ахматовой «ты не любишь, не хочешь смотреть...» (1913).

«Мы думаем, что конкретность этого стихотворения есть тот же «реализм в высшем смысле», как говорило себе Достоевский». И. Оксенов использует цитату из «Записных книжек» Ф. М. Достоевского: «Меня зовут психологом: неправда, я лишь реалист в высшем смысле, т.е. изображаю все глубины уши человеческой»¹.

«“Конкретность” современной лирики, как справедливо выяснил Л. Берман («Голос Жизни», № 26), уменьшая емкость поэтической темы, делает стихи еще более ограниченными и малопонятными». Берман Лазарь Васильевич (1894 — 1980) — поэт, прозаик. Речь идет о статье Л. Бермана «Мушка на щеке (к вопросу о конкретности в искусстве)» («Голос жизни», 1915, №26, с. 14 -16).

«...а “хлебороб” Пимен Карпов в своих прозрениях о России соприкасается с Андреем Белым, к которому он близок и по языку». «Хлебороб» — аллюзия на название романа П.И. Карпова «Пламень. Из жизни и веры хлеборобов» (1914).

«Путь русского символизма есть путь религиозный» — цитата из трактата Эллиса «Vigilemus» (1915).

«Не об этом ли мечтал Скрябин, создавая величественный проект мировой Мистерии?». Скрябин Александр Николаевич (1871 — 1915) — композитор, пианист. В своём творчестве активно разрабатывал идею синтеза искусств, отчасти реализованной в использовании светомызыки (симфонии «Прометей», 1910 — 1911); наиболее полное осуществление идеи «Всеискусства» планировалось именно в незавершённом проекте Мистерии — синтезе многих искусств, который отольётся в грандиозный праздник, к которому будет причастно всё человечество.

Комментарии Марии Наймушиной

¹ Достоевский Ф.М. Из записной книжки. Письма и заметки, СПб, 1883, с. 356.